

ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 40-е ГОДЫ XX в.

А.М.Пантюхин

Ставропольский государственный университет, pantjuhin@bk.ru

Дан анализ основных направлений государственной политики советской власти в отношении Русской Православной Церкви, изменений в области религиозного законодательства, особенностей религиозной жизни Ставрополья в военные и послевоенные годы. Рассмотрены причины кризиса обновленчества и возрождения православной религиозности в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: раскол, конформизм, обновленчество, антирелигиозная политика, «атеизированное православие»

The article is devoted to the analyses of the main directions of the Soviet State Policy towards Orthodox Church, of changes in the sphere of the religious legislation, of peculiarities of religion life in Stavropol region in the war and post-war period. The article also discusses the reasons for the renovationism crisis and revival of the Orthodox religion in the Great Patriotic War period.

Keywords: schism, conformism, «Renovation», antireligious politics, «atheisated orthodoxy»

К 1941 г. Ставропольская епархия Русской Православной Церкви оказалась разгромленной в результате антирелигиозной политики советской власти. В 1934 г. с арестом епископа Льва (Черепанова) была закрыта Ставропольская кафедра, с 1937 г. — Пятигорская. Обновленцы тоже постепенно сдавали свои позиции: к 1935 г. все приходы Ставрополья и Северо-Восточного Предкавказья были объединены в единую Северокавказскую митрополию (позднее Ворошиловская и Орджоникидзевская), в 1935 — 1945 гг. возглавлявшуюся обновленческим митрополитом Василием Кожиным. К началу войны на территории епархии сохранялось 16 православных приходов, из которых 3 принадлежали Патриаршей Церкви и 13 — обновленческой.

К началу 1940-х годов произошло некоторое смягчение государственной антирелигиозной политики в отношении традиционных религий. На Северном Кавказе этот процесс был детерминирован широким распространением среди населения сектантства, зачастую носящего антисоветский характер. В связи с этим партийным организациям, ответственным за антирелигиозную работу, и органам Союза воинствующих безбожников на Ставрополье рекомендовалось сохранять по одному храму в местах концентрации верующих (в административных центрах) [1]. Основной упор руководство края сделало на агитационную борьбу против Церкви и религии.

С 1939 г. жесткой цензуре подверглась вся антирелигиозная литература, которая теперь должна была соответствовать определенным нормам. Срочно прошла переподготовка кадров антирелигиозных агитаторов. В Ставрополе был открыт антирелигиозный музей, целью которого было показать на основе развития науки «несостоятельность» религии. В 1940-1941 гг. усилилась работа ячеек Союза воинствующих безбожников.

Интересно отметить, что основной упор антирелигиозной пропаганды на Ставрополье в конце тридцатых годов делался на ознакомление верующих-обновленцев с отталкивающими фактами из жизни лидеров обновленчества митрополитов Виталия (Вве-

денского) и Александра Введенского, связанными с личной жизнью и хищением церковных средств [2].

Василий Кожин, управлявший обновленческой епархией, пытался подчинить себе храмы Патриаршей юрисдикции, чтобы добиться полной монополии обновленчества на Ставрополье и Тереке. Считаясь одним из авторитетнейших обновленческих иерархов и наиболее вероятным преемником А.И.Введенского на посту «первоиерарха», он использовал это обстоятельство для давления на верующих и духовенство Патриарших приходов. Он единственный поддержал предложение обновленческих руководителей митрополитов Виталия (Введенского) и Александра Введенского по патриаршей интронизации последнего, за что был награжден второй панагией.

Обновленцы на Ставрополье и Тереке в начале 1940-х годов сохраняли сильные позиции только благодаря наличию их храмов во всех крупных административных центрах и религиозной неразборчивости большинства верующих. Например, в Северо-Осетинской АССР действовал всего один храм — обновленческая Ильинская церковь в Дзауджикау (Владикавказе), посещаемость которой в обычные дни достигала 600-1000 человек, а в праздничные — 3000 человек со всей республики [3]. Попытки же верующих Патриаршей юрисдикции открыть храм наталкивались на сопротивление как обновленцев, так и органов советской власти несмотря на обещание молиться о победе Красной Армии в Великой Отечественной войне и оказывать помощь фронту.

В 1942 г. началось продвижение немецких войск на Кавказ. В течение лета-осени были оккупированы Ставрополье и автономные республики Терек. На захваченных территориях оккупанты проводили профашистскую религиозную политику. Фашистские захватчики полагали, что нужно возрождать религиозность населения, но конфессии должны враждовать между собой, а Православная Церковь должна разделяться на несколько автокефалий или даже юрисдикций в пределах одной территории.

На Ставрополье начали открывать православные храмы. Часть из них принадлежала обновленцам. Обновленческие храмы находились на временном

акефальном положении, руководствуясь посланием А.И.Введенского «Пастырям и мирянам Кавказа» [4]. Правящий обновленческий митрополит Василий Кожин находился в эвакуации в Грозном (в Михаило-Архангельском соборе) и не имел связи с приходами на временно оккупированных территориях. В оккупированном Пятигорске остался обновленческий епископ Николай Автономов, но нет оснований утверждать, что ему подчинялись обновленческие приходы в оккупации.

В октябре 1942 г. по настоянию румынских солдат немецкие власти разрешили открыть в Ставрополе Андреевский собор. Для совершения богослужений было привлечено обновленческое духовенство Успенского храма. Настоятелем Андреевского собора стал священник Михаил Польский. Первое богослужение состоялось 1 ноября 1942 г. [5].

На оккупированном Ставрополье было открыто несколько десятков храмов, в том числе обновленческих. В Северной Осетии, оказавшей более серьезное сопротивление захватчикам, храмы практически не открывались. После изгнания немцев с Северного Кавказа в начале 1943 г., «митрополит» Василий Кожин приступил к объединению приходов в епархию. Помимо обновленческих под его власть подпала часть храмов, во время оккупации принадлежавших «карловацким» и болгарским схизматическим юрисдикциям. К концу 1943 г. из 145 православных храмов, действовавших в Ставропольском крае, 42 принадлежали обновленцам [6].

2 октября 1943 г. в Ставрополь прибыл архиепископ Антоний (Романовский), возглавивший Ставропольскую и Пятигорскую епархию Патриаршей Церкви. В городе тогда действовали четыре храма: Андреевский и Успенский — обновленческие, Крестовоздвиженский и Преображенский — Патриаршие. Перед архиепископом Антонием (Романовским) и перед обновленческим митрополитом Василием Кожиным стояли одни и те же задачи преодоления последствий немецкой оккупации: соединение разрозненных приходов, только условно относящихся к той или иной юрисдикции, под единое управление; восстановление разрушенных храмов; рукоположение новых священников взамен расстрелянных во время оккупации.

Еще до прибытия на Ставропольскую кафедру архиепископа Антония, вскоре после избрания митрополита Сергия (Страгородского) на Патриарший престол, обновленческие приходы Рождественского, Преградненского и Благодарненского районов Ставропольского края выразили желание вернуться в Патриаршую церковь. И сам архиепископ с момента своего приезда в Ставрополь развернул борьбу против обновленчества. Он не только обличал священнослужителей-обновленцев в проповедях, но и запретил их всех в служении. Это привело к ночному визиту обновленцев к владыке с угрозами и требованиями восстановить в служении [7]. Архиепископ Антоний, и без того подорвавший свое здоровье в годы тюремного заключения и скитаний без прописки, из-за переживаний в борьбе с обновленчеством был трижды парализован. Надо сказать, один лишь его строго ус-

тавной подход к совершению богослужений сильно ударил по авторитету обновленцев, допускавших те или иные отступления от Типикона. В сознании верующего народа это послужило окончательным доводом в пользу Патриаршей Церкви.

В 1944 г. уже можно говорить о полномасштабном начале борьбы Ставропольской и Пятигорской епархии во главе с архиепископом Антонием (Романовским) за приходы как с обновленцами, так и с местными органами государственной власти. Всячески осложнялся процесс открытия новых храмов и приема обновленческих. Открытие храмов с 28 ноября 1943 г. должно было сопровождаться сложной многоступенчатой бюрократической процедурой, позволявшей сводить количество новооткрытых приходов к минимуму. Кроме того на Ставрополье началась кампания по изъятию храмов, до 1941 г. использовавшихся не для богослужебных целей. В 1944 г. при крайисполкоме был создан аппарат уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви. Одним из первых его мероприятий стала работа по регистрации приходов РПЦ (Патриарших и обновленческих).

В начале 1945 г. по благословению Патриарха Алексия I (Симанского) архиепископ Антоний начал работу по непосредственному приведению к покаянию ставропольских обновленческих священнослужителей. С февраля по апрель 1945 г. он каждое воскресенье посещал Кожина и пытался убедить его принести покаяние. «Митрополит» Василий служил тогда в Успенском храме, так как Андреевский собор еще в сентябре 1944 г. был передан в ведение Патриаршей Церкви. Согласно архивным данным, кроме Успенского храма к февралю 1945 г. на Ставрополье обновленцам принадлежали еще храмы и молитвенные дома в г. Георгиевске, ст. Беломечетской и с. Дмитриевка [8].

Труды архиепископа Антония по убеждению В.И.Кожина принесли свои плоды. Василий Кожин принес покаяние и был принят в общение с Патриаршей Церковью в сане протоиерея. Вскоре он принял монашеский постриг с именем Гермоген. Его уход нанес сокрушительный урон обновленчеству, оставив А.И.Введенского всего с несколькими приходами и незарегистрированными «епископами». 18 апреля 1946 г. Гермоген (Кожин) был хиротонисан во епископа и назначен на Казанскую кафедру, а также временным ректором Московских Духовных школ.

На Северном Кавказе началась реакция духовенства и верующих на ненавистное им обновленчество, насаждавшееся в течение двадцати лет. Большинство бывших обновленческих священнослужителей были распределены по малозначительным приходам, на которых они не могли оказывать скольконибудь существенного влияния на местную власть или настроения верующих.

На Ставрополье и Тереке не наблюдалось движения религиозно-обновленческих деятелей за возрождение обновленчества, подобного деятельности обновленческого «митрополита» Филарета (Яценко) в Подмосковье или обновленческого «архиепископа» Александра Щербакова в Средней Азии. Рассматри-

вая религиозную жизнь Северного Кавказа второй половины 1940-х годов, можно наблюдать лишь рецидивы обновленческого сознания в среде духовенства как возвратившегося в лоно Патриаршей Церкви, так и оставшегося в расколе.

Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви в Ставропольском крае Н.Чудин в информационном отчете за IV квартал 1948 г. указывал, что на некоторых приходах верующие недовольны урезанием прав мирян после исчезновения обновленцев. Они требовали отчета священника перед прихожанами о своей деятельности, контроля над движением денежных средств и т.п. Если священник ссылался на постановления Поместного Собора 1945 г., такие прихожане заявляли: «мы не признаем этих постановлений, мы хозяева, народ, а не священник» [9]. Подобные инциденты произошли в селах Александрийском, Московском, Донском, Зеленчукском и в городе Минеральные Воды. В некоторых приходах верующие жаловались уполномоченному на архиепископа Антония (Романовского) в связи с тем, что он переводил священников, бывших обновленцев, на другие приходы. Наиболее серьезный конфликт возник в Георгиевском храме из-за перевода священника Василия Котова (бывшего обновленца) в г. Дербент [10].

Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви и Совета по делам религиозных культов в Ставропольском крае Чудину и Булатову было указано пресекать любую деятельность не только незарегистрированных религиозных организаций, но и общин и священнослужителей, не получивших регистрации. Тем самым для обновления фактически была уничтожена возможность отправления религиозных обрядов с весны 1945 г., т. е. после перехода последнего обновленческого прихода в Патриаршую Церковь. Многие обновленческие священнослужители вернулись в юрисдикцию Патриарха Алексия I (Симанского) не по причине искреннего раскаяния, а из-за страха потерять и приход, и источник дохода. Священнослужители обновленческого поставления, которые могли быть приняты в Патриаршую Церковь только в качестве мирян, нередко уходили в другие раскольничьи юрисдикции (как правило, в старообрядческую — новозыбковскую, основанную обновленческим архиереем, и реже — в белокриницкую иерархию).

Интересен пример обновленческого священника Чмутова, который с 1945 по 1947 гг. пытался устроиться на любой приход с православной обрядностью. Архиепископ Ставропольский и Бакинский Антоний (Романовский) согласился его принять через покаяние только в качестве мирянина. В декабре 1947 г. Чмутов пришел на прием к уполномоченному по делам религиозных культов Булатову с просьбой помочь ему перейти в старообрядческую поповскую иерархию в «сущем сане». Он обратился через старообрядческого благочинного Митрохина, проживавшего в Ессентуках, к митрополиту Иринарху, но чем окончилось дело, неизвестно [11]. Уполномоченный отмечал, что попытки беспоповцев-поморцев переманить Чмутова в свой толк в качестве наставника окончились неудачей.

Ставропольский уполномоченный, в задачи которого входило координирование православной религиозной деятельности в крае, был вынужден создавать в Церкви прослойку зависимых от него священников и духовных чиновников, через которых он мог бы проводить свои решения в Церкви, а также узнавать необходимую для работы информацию. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о сотрудничестве с уполномоченным во второй половине 1940-х годов преподавателя Конституции и религиозного законодательства СССР в Ставропольской духовной семинарии. Он докладывал уполномоченному о наиболее частых вопросах, которые задают семинаристы. Через него в семинарии были введены портреты советских вождей, радио, стали выписываться советские газеты [12].

Таким образом, 40-е годы XX в. стали последними годами обновленчества на Ставрополье. Полный его распад стал возможен только благодаря умелым действиям архиепископа Антония (Романовского) по преодолению раскола и сдаче обновленческим «митрополитом» Василием Кожиным своих позиций. Однако какое-то время еще сохранялись обновленческие методы воздействия на Церковь и многочисленные пережитки и рецидивы обновленческого сознания.

1. Докладная записка Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцева Председателю КПК А.А.Андрееву [18 июня 1941 г.] // Советская повседневность и массовое сознание. 1939 — 1945 / Сост. А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. С.407-408.
2. Юдин А. На что духовенство тратит деньги верующих // Сб. мат. по антирелиг. пропаганде. Пятигорск, 1938. С.59-60; Обновленческий святоша // Там же. С.77-78; Стенограмма 3-го пленума краевого совета Союза воинствующих безбожников. Ворошиловск, 15 июня 1939 г. // Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф.1. Оп.1. Д.454. Л.134-153.
3. Заключение по заявлению 378 верующих граждан об открытии церкви Сергиевской ориентации в здании бывшей Покровской церкви в Промышленном районе г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР. 17 января 1944 г. // Отдел редких фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф.9. Д.93. Л.11.
4. Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999. С.49.
5. Беликов Г. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. С.109.
6. Сомова И.Ю. Религиозный вопрос на Ставрополье в 1943 — 1945 гг.: новшества, особенности и состояние к концу войны // Актуальные проблемы российской и всемирной истории. Ученые записки. Вып.1. Пятигорск, 2002. С.150.
7. Шишкин Е.Н. Кавказский священноисповедник митрополит Антоний (Романовский): Жизнеописание. Ставрополь: Издат. центр СтДС, 2006. С.61.
8. Опись имущества Успенской церкви гор. Ставрополя // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р-5171. Оп.1. Д.26а. Л.1,14; Сведения о [количестве] действующих церквей молитвенных домов на территории Невинномысского р-на по состоянию на 1/II-45 г. // ГАСК. Ф.Р-5172. Оп.1. Д.135. Л.14; Сведения о наличии в нашем районе церквей. 17 января 1945 г. // Там же. Л.5; Сведения Райисполкома Георгиевского р-на. 11 января 1945 г. // Там же. Л.15.
9. Информационный отчет №7/С Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР

- по Ставропольскому краю Н.Чудина за 1-й квартал 1948 г. // ГАСК. Ф.Р-5171. Оп.1. Д.154. Л.5.
10. Информационный отчет №31С Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Ставропольскому краю Н.Чудина за 4-й квартал 1945 г. // Там же. Д.145. Л.45.
 11. Информационный отчет за IV квартал 1947 г. председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. 9 января 1948 г. // ГАСК. Ф.Р-5172. Оп.1. Д.137. Л.73.
 12. Решение Исполкома Ставропольского Крайсовета депутатов трудящихся от 14 декабря 1949 г. о работе Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР т. Чудина Н.А. // ГАСК. Ф.Р-5171. Оп.1. Д.156. Л.78.
- Bibliography (Transliterated)**
1. Dokladnaja zapiska Upolnomochennogo Komissii partiijnogo kontrolja pri CK VKP(b) po Ordzhonikidzevskomu kraju Astrakhanceva Predsedatelju KPK A.A.Andreevu [18 ijunja 1941 g.] // Sovetskaja povsednevnost' i massovoe soznanie. 1939 — 1945 / Sost. A.Ja.Livshin, I.B.Orlov. M.: ROSSPEhN, 2003. S.407-408.
 2. Judin A. Na chto dukhovenstvo tratit den'gi verujushhikh // Sb. mat. po antirelig. propagande. Pjatigorsk, 1938. S.59-60; Obnovlencheskij svjatosha // Tam zhe. S.77-78; Stenogramma 3-go plenuma kraevogo soveta Sojuza voinstvujushhikh bezbozhnikov. Voroshilovsk, 15 ijunja 1939 g. // Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja. F.1. Op.1. D.454. L.134-153.
 3. Zakljuchenie po zajavleniju 378 verujushhikh grazhdan ob otkrytii cerkvi Sergievskojj orientacii v zdanii byvshej Pokrovskojj cerkvi v Promyshlennom rajjone g. Ordzhonikidze Severo-Osetinskoi ASSR. 17 janvarja 1944 g. // Otdel redkikh fondov Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovanij. F.9. D.93. L.11.
 4. Shkarovskij M.V. Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi KhKh veka. SPb.: Nestor, 1999. S.49.
 5. Belikov G. Okkupacija. Stavropol'. Avgust 1942 — jan-var' 1943. Stavropol': Fond dukhovnogo prosveshhenija, 1998. S.109.
 6. Somova I.Ju. Religioznyj vopros na Stavropol'e v 1943 — 1945 gg.: novshesva, osobennosti i sostojanie k koncu vojny // Aktual'nye problemy rossijskoj i vseмирnoj istorii. Uchenye zapiski. Vyp.1. Pjatigorsk, 2002. S.150.
 7. Shishkin E.N. Kavkazskij svjashhenoisovednik mitropolit Antonij (Romanovskij): Zhizneopisanie. Stavropol': Izdat. centr StDS, 2006. S.61.
 8. Opis' imushhestva Uspenskoj cerkvi gor. Stavropolja // Gosudarstvennyj arkhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F.R-5171. Op.1. D.26a. L.1,14; Svedenija o [kolichestve] dejstvujushhikh cerkvej molitvennykh domov na territorii Nevinnomys'skogo r-na po sostojaniju na I/II-45 g. // GASK. F.R-5172. Op.1. D.135. L.14; Svedenija o nalichii v nasem rajjone cerkvej. 17 janvarja 1945 g. // Tam zhe. L.5; Svedenija Rajjispolkoma Georgievskogo r-na. 11 janvarja 1945 g. // Tam zhe. L.15.
 9. Informacionnyj otchet №7/S Upolnomochennogo Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi pri SNK SSSR po Stavropol'skomu kraju N.Chudina za 1-ij kvartal 1948 g. // GASK. F.R-5171. Op.1. D.154. L.5.
 10. Informacionnyj otchet №31S Upolnomochennogo Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi pri SNK SSSR po Stavropol'skomu kraju N.Chudina za 4-ij kvartal 1945 g. // Tam zhe. D.145. L.45.
 11. Informacionnyj otchet za IV kvartal 1947 g. predsedatelju Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR. 9 janvarja 1948 g. // GASK. F.R-5172. Op.1. D.137. L.73.
 12. Reshenie Ispolkoma Stavropol'skogo Krajsoвета deputatov trudjashhiksja ot 14 dekabrja 1949 g. o rabote Upolnomochennogo Soveta po delam russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete ministrov SSSR t. Chudina N.A. // GASK. F.R-5171. Op.1. D.156. L.78.